Георгий В. Касьянов

Институт истории Украины Национальной Академии наук, Киев, Украина
ORCID: 0000-0003-1996-0362

Украина как «национализирующее(ся) государство»: обзор практик и результатов

doi: 10.22394/2074-0492-2021-2-117-146

Резюме:
Статья посвящена теме Украины как «национализирующего(ся) государства»: автор опирается на термин и подверстанную под него аналитическую структуру, предложенную в середине 1990-х годов Роджерсом Брубейкером. По мнению автора теоретические построения Брубейкера, будучи приложены к политической реальности современный Украины, выглядят на удивление актуальными. Статья сосредоточена на двух наиболее заметных и противоречивых сферах деятельности «национализирующего(ся) государства»: языковом вопросе (включая сферу образования) и политике в сфере коллективной памяти. Деятельность «национализирующего(ся) государства» рассматривается здесь в исторической ретроспективе, от начала 1990-х до конца 2010-х годов. Государство выступает и как субъект, и как объект национализации. Особое внимание уделено реакциям общества на действия государства и влиянию внешних акторов. Центральный тезис статьи — национализирующееся государство относительно успешно осуществило проект национализации самих этнических украинцев, получивших политико-символический статус титульной нации. Однако на этом мобилизационные ресурсы политики национализации культурно-символического пространства исчерпались. В период, пока проект построения украинской политической нации удерживал баланс между эксклюзивным этническим и инклюзивным гражданским национализмом, национализация не вызывала существенного сопротивления в обществе. Нарушение этого баланса в пользу этнического национализма провоцировало напряжение и конфликты внутри страны, а также вмешательство соседей извне, исповедовавших принципы этнокультурной ирредента (Россия, Венгрия, Румыния, в какой-то мере Польша). Это вмешательство в свою очередь усугубляло интенсивность и радикальность продвижения принципов этнического национализма

Касьянов Георгий — доктор исторических наук, профессор, зав. Отделом новейшей истории и политики, Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины. Научные интересы: историческая политика, национализм, история Украины. E-mail: coffee_cup_2007@hotmail.com

и давало аргументы для возведения их в ранг государственной политики, что в свою очередь приводило к новым конфликтным ситуациям.

Ключевые слова: государственный язык, историческая политика, нация, этнический национализм, гражданский национализм, национальное меньшинство, декоммунизация, «национализирующее государство», языковые законы, мемориальные законы

Georgiy Kasianov[1]

Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Ukraine as a "Nationalizing State": A Review of Practices and Outcomes

Abstract:
This article focuses on Ukraine as a 'nationalizing state'. The author relies on the term and the analytical framework proposed by Rogers Brubaker in the mid-1990s. Brubaker's theoretical framework is a surprisingly good fit when applied to the political reality of contemporary Ukraine. The article focuses on the two most conspicuous and controversial spheres of the nationalizing state: language policy (including the sphere of education) and the politics in the sphere of collective memory. The author examines the activities of the nationalizing state in a historical perspective, from the early 1990s to the end of 2010s. The state appears as both the subject and object of nationalization. The article pays particular attention to the reactions of society to the actions of the state, as well as to the actions of external actors. The central thesis of the essay is that the nationalizing state was relatively successful in implementing the project of the 'nationalization' of ethnic Ukrainians themselves, who obtained the political-symbolic status of the titular nation. However, the mobilization resources of the policy of nationalization of the cultural-symbolic space are exhausted at this point. As long as the project of the Ukrainian political nation building maintained a balance between exclusive ethnic and inclusive civic nationalism, nationalization did not cause significant resistance in society. Breaking this balance in favor of ethnic nationalism provoked tensions and conflicts within the country, as well as interference from external neighbors, who professed the principles of ethno-cultural irredentism (Russia, Hungary, Romania, and to some extent Poland). This interference, in turn, exacerbated the intensity and the scale of the promotion of the principles of ethnic nationalism and provided arguments for elevating them to the rank of state policy, which, in turn, led to new conflicts.

1 Georgiy Kasianov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department. Department of Contemporary History and Politics, Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. Research interests: politics of history, nationalism, history of Ukraine. E-mail: coffee_cup_2007@hotmail.com

Keywords: nationalizing state, state language, nation, ethnic nationalism, civic nationalism, national minority, decommunization, language laws, memorial laws, politics of history

Перечитывая Брубейкера

После распада коммунистической системы в 1989-1991-х годах на ее месте возникли два десятка государств, которые де-юре были национальными, но де-факто таковыми не являлись. Стандартная логика национализма требовала, чтобы границы политической и национальной (понимаемой как этническая, культурная) единиц совпадали (эту формулу в начале 1980-х предложил Эрнест Геллнер). Действуя в этой логике, новые государства стали «национализирующимися» [Brubaker 1996].

Государство в этой картине принимало на себя роль организационной рамки, которую ему следует наполнить национальным содержанием, а оно в свою очередь должно привести население, территорию, культуру и политическое устройство в соответствие с тем (Брубейкер использует геллнеровский термин «конгруэнтность»), что понимается под полностью реализовавшимся национальным государством [Brubaker 2011:1876]. Собственно, в этом и заключалась политика, названная национализацией.

Ее содержание, динамика и особенности определялись взаимоотношением между тремя акторами: 1) собственно самим «национализирующим государством», которое является одновременно и субъектом, и объектом процесса; 2) национальными/этническими меньшинствами, которые становились объектом национализации и 3) соседними государствами, выступавшими в роли внешней родины для этих меньшинств, своего рода опорой их самобытности.

Рассмотрим, какие коррективы в эту схему вносит случай Украины. Во-первых, государство как субъект национализации на протяжении всей истории независимости пользовалось крайне низким уровнем доверия граждан [Kudelia, Kasianov 2021]. Согласно недавнему опросу Гэллап [Gallup 2019], государственным институтам полностью доверяло лишь 9% украинских респондентов. Во-вторых, объектами национализации, понимаемой как украинизация, были не только меньшинства, но и в какой-то мере сами этнические украинцы, по крайней мере статистически значимая их часть. В-третьих, значительная часть представителей национальных меньшинств, в том числе самой крупной (русские), не воспринимали «внешнюю родину» как родину, считая таковой Украину. Так, согласно опросу, проведенному в марте 2014 года, 89% респондентов назвали своей родиной Украину, доля тех, кто хотел бы, чтобы его регион отделился от Украины и вошел в состав другого государства,

составляла в среднем по стране 8%; в западных регионах таких было 0,5%, на Донбассе — 18% [Fond «Demokratychni initsiatyvy», 2014].

Динамика: от «тихой национализации» к эскалации

Следует помнить, что многие составляющие политики национализации были реализованы еще в советское время. Именно при советской власти украинцы юридически признаны титульной нацией в границах республики с соответствующим названием и наделены институтами и атрибутами государственной власти. Они же составляли подавляющее большинство в этническом составе населения. Конституция УССР 1978 года зафиксировала за украинским языком право государственного. Более того, представительство этнических украинцев в органах власти и других социально престижных структурах квотировалось по национально-этническому признаку, дабы обеспечить правильные пропорции. Наличие высокой украинской культуры (в геллнеровском смысле) обеспечивалось государственным финансированием.

В то же время в советский период украинский язык и культура удерживались в рамках *этнографической достаточности*, когда проявления национального самосознания редуцировались к этнографическим формам, в политических рамках официальной идеологии, что привело к их нарастающей социальной маргинализации, особенно в 1970-1980-е годы. Социальные лифты обеспечивались прежде всего русским языком и русскоязычной культурой и наукой при формальном политическом признании украинского языка и культуры. Эта маргинализация подкреплялась ассимиляционными практиками, в частности, русификацией образовательной системы. К 1989 году на украинском языке в школах обучалось 47,5% учеников при том, что украинцы составляли 77,8% населения [Janmaat 113].

Политика украинизации, развернутая украинским государством после обретения независимости, по сути, являлась продолжением советской модели affirmative action [Martin 2001]. На начальном этапе речь шла об украинизации титульной нации — самих этнических украинцев.

Для большей части нового правящего класса национализация означала собственную (ре)легитимацию. Национализировавшаяся номенклатура должна была воспользоваться символическим капиталом, обеспечивавшим такую легитимацию. Что касается пришедших во власть бывших диссидентов и новоиспеченных национал-демократов, то они пошли на сотрудничество с номенклатурой как ради государственного строительства, так и ради обеспечения себя социальным лифтом.

Дискурсивную составляющую национализации определило присутствие во властных институтах литературно-художественного ис-

теблишмента, ставшего таковым еще при советской власти. Метафора национального возрождения Украины, которую этот истеблишмент использовал, возникла еще на рубеже XIX-XX веков. Соответственно формулировалась и повестка: национальное возрождение рассматривалось как восстановление прав титульной нации, прежде всего, в сфере исторической памяти и языка. Возникло своеобразное разделение труда: вчерашняя партийно-советская номенклатура, освоив символический капитал национал-демократов, сосредоточилась на освоении рентосодержащих активов, а национал-демократы занялись преимущественно символической сферой, подбирая крохи вышеупомянутой ренты. Проблемы социально-экономического характера присвоили левые и популисты. Консенсус относительно строительства нации строился на неопределенности. Приписываемое Л. Кучме выражение «Скажите мне, какую Украину нужно строить, и я ее буду строить» относилось и к поискам национальной идеи. Конституция 1996 года одновременно содержала формулировки этнического (украинская нация понималась там как этническая) и гражданского национализма (концепция «народ Украины»). К началу 2000-х отправной пункт национального нарратива был нащупан: «Украина — не Россия» (так называлась книга того же Л. Кучмы). Вторая часть нарратива появилась уже при В. Ющенко: Украина — это Европа.В языковой сфере государство сосредоточилось, прежде всего, на том сегменте, где оно обладало относительно достаточными средствами имплементации политических решений и контроля за их исполнением — образовании. В первое десятилетие независимости украинский как язык обучения занял господствующие позиции, а в 2005-2009-х годах удельный вес учеников, получающих образование на украинском, превысил удельный вес украинцев в составе населения.

Эти успехи, впрочем, были достигнуты, во-первых, в основном за счет школ в сельской местности и украинизации школ в городах; во-вторых, они были наиболее впечатляющими в аграрных регионах Центра и Юга; в-третьих, русскоязычный индустриальный Восток и Крым по-прежнему удерживали позиции: в Донецкой и Луганской областях в 2012 году на украинском обучалось 48% школьников, в Крыму (где четверть населения составляли этнические украинцы) — 7,8% [Statistika.in.ua 2012].

Хуже обстояли дела с внедрением украинского в сферах, где государство имело меньше средств административного контроля и принуждения (бизнес, интернет, индустрия развлечений, медиа). Здесь украинский по-прежнему находился на обочине, несмотря на то что закон «О телевидении и радиовещании» обязывал вести передачи на государственном языке. В закон в марте 2006 года были внесены изменения, предписывающие введение 50% квот на вещание на государственном языке. В октябре 2006 года между Нацио-

нальным советом по телевидению и радиовещанию и десятью крупнейшими телерадиокомпаниями по инициативе государства был подписан меморандум, согласно которому в течение года подписанты обязались довести объем вещания на украинском до 75% [Natsional`na Rada 2006].

Формальное внедрение украинского даже на официальном уровне не означало его полноценного функционирования как общепризнанного средства общения. Написав официальный документ на украинском, чиновник переходил на русский в общении с коллегами. Отчитав текст информационного сообщения на государственном, диктор телевидения шел в курилку общаться на русском.

В сфере коллективной памяти продвижение национализации также было неоднозначным. Без особых конфликтов был создан или воссоздан весь ряд системообразующих исторических и государственных символов: национальный гимн, флаг, герб, исторический пантеон (отображенный на национальной валюте). В школах был введен полномасштабный курс «Истории Украины», охватывающий семь лет обучения. В высших учебных заведениях независимо от профиля вуза также преподавался обязательный семестровый или годичный курс украинской истории, фактически повторяющий школьный. Официальная версия истории была полностью переверстана как история этнических украинцев, где другие народы, населявшие Украину, в лучшем случае просто играли роль фона, в худшем — становились коллективным Чужим [Kasianov 2019: 350-391]. Если украинизация образовательного сектора не вызывала особого беспокойства и явного сопротивления (бюрократическую имитацию процесса я здесь не обсуждаю), то усиливающийся этноцентризм официальной версии истории Украины, особенно в школьном курсе уже в конце 1990-х, стала вызывать беспокойство и дискуссии как на экспертном, так и общественном уровнях [Yakovenko 2008]. Этот процесс сопровождался усилением элементов ксенофобии и культурной нетерпимости в школьном курсе. Ряд национальных меньшинств, проживающих в Украине, был представлен как этнический и враждебный Чужой, в их числе поляки, крымские татары и русские [Yakovenko 2002; Janmaat 2002; Telus, Shapoval 2000; Kasianov 2012].

В период президентства Ющенко (2005-2010) определились три основных тенденции в области политики памяти. Первая — радикализация стандартного национального нарратива. Тут ощутимо и зримо наблюдался сдвиг от формулы «Украина — не Россия» к формуле «Россия против Украины». Вторая — выход националистического нарратива (ОУН, УПА, Бандера и др.) за пределы Галиции и его продвижение в Центральную Украину. Третья — наступление периода «войн памяти» — как внешних (с Россией в первую очередь), так и внутренних (сопротивление продвижению нацио-

налистического нарратива). В этот период государство, навязывая идеологическую гомогенизацию с позиций защиты/восстановления исторических прав титульного этноса, еще предпринимало попытки совместить в одном символическом пространстве оппонирующие формы коллективной памяти (например, попытки примирения ветеранов Отечественной войны и УПА). Однако именно в это время были заложены все основания для институциализации национальной памяти как формы, прежде всего, украинской этнической идентичности, понимаемой в рамках формулы «земли и крови». Этой формуле отвечали, например, Украинский институт национальной памяти (2006) и Музей-мемориал Голодомора (2009). В тот же период в официальном дискурсе окончательно сложились идиомы, утверждающие национальную память именно как форму самосознания этнических украинцев.

Попытки ревизии этих изменений (как в сфере языка, так и коллективной памяти), предпринятые в 2010-2013-х годах при В. Януковиче, привели к политической поляризации, особенно опасной из-за того, что различия взглядов и настроений окончательно обрели четко выраженные региональные контуры. В 2012 году бурные страсти вплоть до двухмесячного «языкового Майдана» в Киеве спровоцировало принятие закона «Об основах государственной языковой политики», авторами которого были депутаты от Партии регионов Сергей Кивалов и Владимир Колесниченко. Закон, в целом соответствующий принципам Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, был принят с вопиющими нарушениями конституционных процедур. После его принятия Верховный Совет АР Крым, семь областных и двадцать районных, городских и поселковых советов восточных и южных регионов приняли постановления о статусе русского языка как регионального. То же самое было сделано в Закарпатье и на Буковине относительно венгерского и румынского языков. Впрочем, эти решения, как и сам закон, имели больше политико-демонстрационный характер, поскольку просто отражали статус-кво. Однако вскоре он был нарушен.

На войне как на войне? Национализирующее(ся) государство после 2014 года

2014 год стал переломной вехой для Украины как национализирующегося государства. Радикализация соответствующей политики была спровоцирована тем самым «третьим элементом», упомянутым Брубейкером. Потеря Крыма, поддержка Россией самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик стали главными аргументами в пользу идеологической и культурной гомогенизации. Эти процессы рассматривались правящим классом,

прежде всего, как десоветизация и дерусификация. Задача облегчалась тем, что с отпавшими и отобранными территориями отошла и значительная часть русского и русскоязычного населения, которое стало рассматриваться частью правящей элиты в качестве естественных оппонентов «украинского проекта».

Впрочем, первоначально эти группы рассматривались как союзники в борьбе с внешним врагом. Весной 2014 года один из самых рейтинговых телеканалов запустил серию роликов «Единая страна», в которых делался акцент на единстве украинцев независимо от их этнического происхождения и языка [Yedyna kraina 2014], конечно же, с упором на русскоязычное население. Вскоре в социальных сетях замелькал популярный мем «жидобандеровец», иронически обозначающий единение националистов и евреев[1]. Один из центральных тезисов в общественных дискуссиях этого времени звучал так: русскоязычные патриоты боролись на Майдане, идут добровольцами воевать за Украину на Донбассе, в восточных областях русскоязычные волонтеры оказывают неоценимую помощь армии. В конце февраля 2014 года в Одессе и Львове синхронно прошли акции. В первом случае лозунгом был «Сегодня речь не про мову!», во втором — «Сьогодні мова не про язык». Как более важная тема выдвигалась идея досрочных выборов в Верховную Раду и сохранение единства страны [Ukrainskaya Pravda 2014]. В 2015 году ко Дню Победы были сняты два русскоязычных видеоролика (с украинскими субтитрами), в которых участники боевых действий на Донбассе (солдат и медсестра) по телефону поздравляют деда и бабушку — ветеранов Великой Отечественной войны [Mediaport 2015]. Один ролик заканчивался лозунгом «Слава Украине!», другой — «Героям слава!»[2].

Однако уже в 2015 году начинают разворачиваться процессы, актуализирующие схему Брубейкера. Упомянутый выше культурный консенсус был реакцией не только на внешнюю угрозу, но и на существенный просчет политиков, пришедших к власти в результате восстания зимы 2013-2014-х годов. Как известно, одним из триггеров (разумеется, не единственным) начала гражданских беспорядков и внешней интервенции, приведших к потере Крыма и части Донбасса, была молниеносная отмена языкового «закона Кивалова — Колесниченко» 23 февраля 2014 года. Несмотря на то что исполняющий тогда обязанности президента А. Турчинов так и не подписал закон

1 Некоторые комментаторы, правда, полагали, что этот термин — плод российской пропаганды и имеет более глубокие исторические корни [Hrytsak 2018].

2 Лозунги Украинской повстанческой армии и ОУН (бандеровцев), потерявшие свою партийную принадлежность на киевском Майдане зимы 2013-2014 года и превратившиеся в общий лозунг протестующих.

об его отмене, сам факт его принятия Верховной Радой[1] послужил удобным поводом для политической мобилизации русскоязычного населения Крыма, Донбасса и части Юго-Восточной Украины, быстрого подъема регионального сепаратизма, и русского ирредентизма и внешнего вмешательства — политического и военного — со стороны России. Одной из причин (пусть и не основной) так называемой «русской весны» 2014 года был успешно инструментализированный миф о грядущих массовых притеснениях русских и русскоязычных граждан «киевской хунтой», «бандеровцами» и «правосеками»[2].

2015 год стал началом акселерации нового этапа национализации культурного и политического пространств. В интересующих нас сферах (язык, образование и коллективная память) национализирующееся государство проявило особую активность.

Институциональная мобилизация, необходимая для более интенсивной национализации, развернулась на разных уровнях. Был реорганизован Украинский институт национальной памяти. Ему вернули статус органа исполнительной власти и огромный объем полномочий (при Януковиче институт стал исследовательским учреждением). Институт был отдан в руки людей, открыто исповедующих националистические взгляды в духе «бандеровской» ОУН. Пост заместителя председателя Государственного комитета телевидения и радиовещания занял Богдан Червак — глава ОУН (мельниковцев). Осенью 2014 года спикером Верховной Рады был избран Андрий Парубий — один из основателей националистической Социал-национальной партии Украины (с 2004-го ВО «Свобода»), прошедший в парламент по спискам популистского «Народного фронта». Он был одним из активнейших адептов декоммунизации 2015-2018-х годов. В декабре 2014 года было создано Министерство информационной политики, в задачи которого входило обеспечение информационной политики и информационной безопасности государства (ликвидировано в 2019 году).

На уровне гражданского общества группу «Историческая память» в коалиции негосударственных организаций «Реанимационный пакет реформ» монополизировал львовский Центр исследований освободительного движения, занимавшийся популяризацией ОУН и УПА как «рыцарей без страха и упрека». Представители этого центра заняли руководящие посты в ведомственном архиве СБУ и в новосозданном Архиве национальной памяти.

1 Законопроект был впервые подан еще в декабре 2012 года, но в феврале 2014-го его внесли в повестку дня представители националистической ВО «Свобода».

2 Неформальное пейоративное название членов националистической организации «Правый сектор».

Национализирующие усилия государства в интересующих нас областях прилагались по следующим направлениям: а) формирование правового поля (принятие законов, президентских указов и постановлений правительства); б) разработка концепций (таких как «Стратегия национально-патриотического воспитания детей и молодежи на период 2017-2020-х годов» и «Концепция национально-патриотического воспитания молодежи в системе образования Украины»); в) информационные кампании, изменения в содержании школьных программ; г) практическая реализация законов, указов и постановлений.

В конце 2015 года Конституционный суд Украины начал рассмотрение запроса 57 депутатов Верховной Рады от правящей коалиции о несоответствии Конституции «закона Кивалова — Колесниченко». Формально депутаты оспаривали не столько содержание закона, сколько нарушения процедуры его принятия (действительно имевшие место). В реальности, как показали дальнейшие события, стратегической целью было вытеснение русского языка (что не могло не сказаться и на языках других меньшинств).

В 2017 году в Верховную раду поступило четыре законопроекта, посвященных государственному языку. После внутрипарламентских дискуссий в сессионный зал поступил наиболее компромиссный вариант закона «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного». Задачи этого закона были сформулированы так: 1) защита государственного статуса украинского языка; 2) утверждение украинского языка как языка межнационального общения в Украине; 3) обеспечение функционирования государственного языка как инструмента объединения украинского общества, средства укрепления государственного единства и территориальной целостности Украины, ее независимой государственности и национальной безопасности; 4) обеспечение использования украинского языка на всей территории Украины как государственного, а также в международном общении; 5) обеспечение развития украинского языка, укрепления национальной идентичности, сохранения национальной культуры, традиций, обычаев, исторической памяти и обеспечения ее дальнейшего функционирования как государствообразующего фактора украинской нации; 6) поддержка украинского языка (путем разнообразных мероприятий и мер); 7) поддержка украинского языка в мире [Zakon Ukrainy 2019].

Дух закона несколько отличался от буквы. Фактически все перечисленные задачи фокусировались на вытеснении русского языка из тех сфер, где он удерживал позиции (бизнес, торговля, интернет, издательская деятельность, массовые мероприятия). Законопроект сообщал, что принятие и внедрение закона не потребует дополнительных бюджетных затрат при том, что планировалось создание но-

вых государственных структур: офиса и должности уполномоченного по защите украинского языка, специальной комиссии по стандартам украинского языка, института языковых инспекторов. Законопроект вызвал вполне ожидаемые дискуссии [Shoizdat 2018], которые усугубились неожиданным эффектом еще одного закона «Об образовании».

Первоначальная редакция «образовательного» закона (октябрь 2016-го) не содержала каких-либо новшеств относительно языка обучения: фактически были воспроизведены советские нормы закона 1991 года. Более того, главная его цель заключалась в создании юридической рамки для масштабной структурной реформы образования (перехода на 12-летнее о школьное обучение). Однако в процессе доработки по инициативе представителей фракции Петра Порошенко «Солидарность» (какая злая ирония в названии!) была изменена статья 7-я закона «Язык образования». Более того, как утверждают очевидцы, статья переписывалась несколько раз в спешке и, по выражению самих депутатов, «на колене». Именно эта статья «выстрелила»: согласно ей, обучение в государственных учебных заведениях на языках национальных меньшинств гарантировалось только в дошкольных учреждениях и младшей школе. В средней и старшей школах обучение должно вестись только на украинском [Zakon Ukrainy 2017b]. Эта статья вызвала демарши со стороны Румынии, Венгрии и России и недоуменные заявления Болгарии, Греции и Молдовы. Наиболее острой была реакция представителей Венгрии и Румынии. Министр иностранных дел Венгрии Петер Сийярто назвал закон «ножом в спину» и пообещал, что пока Украина не изменит эту статью, его страна будет блокировать все инициативы Украины в ЕС и НАТО [Marusyk 2017]. Венгерский парламент принял резолюцию, осуждающую украинский закон. Стоит заметить, что к этому времени в Закарпатской области почти сто тысяч венгров-граждан Украины имели паспорта Венгрии [Erman 2018]. В свою очередь президент Румынии Клаус Йоганнис в сентябре 2018-го отменил визит в Украину, заявив, что новый образовательный закон «жестко ограничивает право национальных меньшинств обучаться на родном языке» [Ukrinform 2017].

Украинский МИД был вынужден направить злосчастную статью в Венецианскую комиссию, которая дала весьма нелицеприятные заключения. В частности, Комиссия отметила неравное обращение с языками национальных меньшинств. Законопроект предоставлял, например, особые права языкам стран Евросоюза или языкам коренных народов (тут имелся в виду, прежде всего, крымско-татарский), в то время как, например, русскому языку такие права не давались. Это было охарактеризовано как решение, не соответствующее антидискриминационным нормам ЕС [European Commission 2017: 21-24]. Впрочем, в июле 2019 года еще контролируемый ушед-

шим в отставку П. Порошенко Конституционный суд признал этот закон соответствующим Конституции, полностью проигнорировав замечания и рекомендации Венецианской комиссии — они в тексте решения даже не упоминались [Konstytutsiinyi Sud Ukrainy 2019]. Украинская сторона пообещала учесть пожелания соседей при доработке закона «О всеобщем среднем образовании».

В январе 2020 года этот закон был принят. Его 5-я статья гарантирует представителям национальных меньшинств, языки которых являлись официальными языками Евросоюза (венграм, полякам, грекам, болгарам, румынам), получение начального образования на родном языке в полном объеме. Базовое среднее образование с 5-го по 9-й класс они также могут получать на родном языке, но 20% учебного материала должно преподаваться на государственном языке, а к 9-му классу этот объем следует довести до 40%. Другие национальные меньшинства остались при своем: на родном языке они могли учиться на общих основаниях только в детском саду и начальной школе, а базовое среднее образование на этом языке получать только в отдельных классах, если таковые будут созданы школой. Привилегия получать начальное и базовое среднее образование на родном языке была дарована только «коренным народам» [Zakon Ukrainy 2020], в данном случае речь идет, прежде всего, о крымских татарах.

Еще одна инициатива государства в этот период — украинизация сферы медиа. В мае 2017 года были внесены изменения в закон «О телевидении и радиовещании»[1], согласно которым вновь устанавливались квоты на объем вещания на украинском языке. Теле-, радио- и интернет-каналы общенационального масштаба наделялись обязанностью подавать не менее 75% вещания на государственном языке, местные — не менее 60%. Трансляция фильмов и передач не на украинском языке должна сопровождаться или дубляжом, или субтитрами на украинском [Zakon Ukrainy 2017a]. Поскольку иноязычные фильмы к этому времени уже полностью дублировались на украинский, эта мера была направлена именно против русского языка. В этот раз квотирование стало предметом жесткого государственного мониторинга.

Практически одновременно президент П. Порошенко в рамках санкций своим указом во исполнение решения Совета национальной безопасности и обороны запретил в Украине деятельность целого ряда российских предприятий, медиа и сетевых сообществ (например, РИА «Новости», «Вконтакте», «Одноклассники» и т.п.). Санкционный список был дополнен в 2018 году и действует до сих пор. В целом только в 2014-2017-х годах в Украине была запрещена трансляция 80

1 Принят в 1993 году, к 2017-му поправки в него вносились 59 раз.

российских телеканалов, не только информационных, но и развлекательных, и познавательных [Natsional`na rada 2018].

В 2020 году мониторинг 28 общенациональных каналов показал, что у всех вещание на украинском превышает 75%, а если речь идет о выпусках новостей, то в большинстве случаев объем вещания на украинском достигает 100% [Business media report 2020].

В феврале 2018 года подоспел со своим решением Конституционный суд Украины: спустя три года после получения запроса от депутатов Верховной Рады он признал неконституционным закон 2012 года «Об основах государственной языковой политики» (так называемый «закон Кивалова — Колесниченко»). Главным основанием для такого решения стало не столько несоответствие самого закона Конституции, сколько нарушение конституционных процедур при его принятии [Konstytutsiinyi Sud Ukrainy 2018]. В результате все языки национальных меньшинств, имевшие статус региональных, этот статус утратили. Параллельно в 2017-2018-х годах происходил своего рода парад-реванш в местных советах, связанный или с отменой статуса русского языка как регионального, или с введением ограничительных мер на его использование во всех сферах, включая торговлю и развлечения. Особенно постарались киевский и львовский городские советы, тернопольский, житомирский, харьковский, волынский, херсонский областные советы [Plekhanov 2019: 211-214].

Решение Конституционного суда активизировало промоутеров нового «главного» языкового закона. В начале октября 2018 года Верховная Рада в первом чтении приняла проект уже упомянутого закона «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» [Ukrinform 2018b], изъяв из него наиболее одиозные нормы (например, об институте «языковых инспекторов»). Любопытно, что в нем слово в слово воспроизвели формулировку из закона «Об образовании» 2017 года, которая вызвала столь нервную реакцию соседей по европейскому дому.

Дальнейшие приключения закона развивались по сценарию политической трагикомедии. Он стал прощальным поцелуем президента Петра Порошенко, проигравшего президентские выборы под лозунгом «Армия, язык, вера» своему конкуренту и преемнику. Закон был принят порошенковским большинством парламента 24 апреля 2019 года, и выполнять его предстояло Владимиру Зеленскому. При доработке закона нужно было учесть более двух тысяч правок. В день его принятия под Верховной Радой собрался митинг в поддержку судьбоносного документа. В сессионном зале депутатам показали агитационный фильм, в котором их убеждали принять закон. Уходящий президент Порошенко обратился к залу с прочувствованной речью, его поддержал патриарх Украинской православной церкви Киевского патриархата Филарет. Приняв закон, его авторы и спикер

вышли к народу, совсем как на исторической картине, изображавшей выход Богдана Хмельницкого после подписания Переяславского соглашения 1654 года. Одна из наиболее массовых интернет-газет сообщила: «люди на площади под Верховной Радой встретили принятый закон аплодисментами и скандированием “Слава Украине — Героям Слава”. Националисты зажгли файеры. Акцию закончили исполнением песни “Смэрэка”» [Ukrainśka Pravda 2019].

Вполне ожидаемо закон был раскритикован депутатами от оппозиции, представляющими русскоязычные регионы. Так же ожидаемо их запрос в Конституционный суд завис на неопределенный срок. Не стало сюрпризом и то, что закон вызвал серьезные замечания Венецианской комиссии [European Commission for Democracy Through Law 2019] и был весьма критически оценен Харьковською правозащитной группой [Yavorśkyi 2020].

Список замечаний и рекомендаций был не нов: отдельные пункты закона противоречили сами себе, статьям Конституции Украины и международным обязательствам страны. В тексте закона содержались неясные формулировки и отсутствовали юридически четкие определения базовых понятий (включая такое как государственный язык), закон предполагал вмешательство государства в сферу частного права и частной жизни, содержал элементы неравной трактовки языковых прав разных этнических групп. Закон содержал целый набор норм прямой или косвенной дискриминации русского языка[1]. Правда, внедрение закона должно было быть постепенным (в период 2021-2024-х годов).

16 января 2021 года началась его имплементация в сфере обслуживания. Она вполне могла бы пройти почти незамеченной, однако некоторые СМИ показали сюжеты, где журналисты заходили в магазины и на рынки и проверяли, на каком языке с ними будут говорить продавцы (предприятия общественного питания были закрыты в рамках локдауна). Продавцы оказались в основном людьми сметливыми и охотно общались на украинском (чаще на суржике).

В целом можно предвидеть, что закон, на реализацию которого у государства просто нет денег[2] (ни на обещанные языковые курсы для желающих, ни даже для полноценного финансирования учрежденного законом офиса языкового уполномоченного), будет далее

1 Например, издаваемые на русском языке журналы и газеты должны 50% тиража издавать на украинском.

2 Первая уполномоченная по защите украинского языка Татьяна Монахова в апреле 2020 года подала в отставку, сославшись на нежелание правительства финансировать ее офис. Затраты на содержание Секретариата уполномоченного по защите украинского языка на 2021 — 2023 гг.запланированы в пределах 15 млн. гривен в год (около 540 тыс. долларов США). Других затрат не предусмотрено [Biudzhetnyi zapyt na 2021 — 2023 roky 2020].

чем-то вроде козырной карты в рукаве у политиков, для которых вопрос языка — средство политической манипуляции и мобилизации. Механизм реализации закона в его репрессивной части (штрафы за нарушения в сфере обслуживания) достаточно сложен и громоздок.

Похожий сценарий национализации разворачивался в сфере исторической памяти. Здесь главным вектором было вытеснение из публичного пространства советско-ностальгического нарратива памяти (по умолчанию ассоциируемого с русским языком и русскоговорящими) и расширение национального нарратива.

В апреле-мае 2015 года правящая коалиция в спешном порядке приняла пакет из четырех так называемых «декомунизационных законов»[1]. Два закона — «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарного режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики» и «О правовом статусе и чествовании борцов за независимость Украины в XX столетии» — не только регламентировали область коллективной памяти, но и устанавливали систему ее регулирования и запретов на нежелательные публичные репрезентации. Эти два закона создали условия для тотального запрета советского и советско-ностальгического нарратива памяти и интенсивного продвижения националистического нарратива. Более того, была введена уголовная ответственность за пропаганду символики «коммунистического режима», в то время как «публичное проявление неуважения» к борцам за независимость осуждалось, а «публичное отрицание факта правомерности борьбы за независимость Украины в XX веке» признавалось надругательством над их памятью и характеризовалось как противоправное [Zakon Ukrainy 2015].

Описанные выше законодательные акты дали старт массовой кампании переустройства символического пространства, продолжавшейся около четырех лет. В результате этой кампании были переименованы более тысячи населенных пунктов и более пяти-

1 Детальный анализ законов и реакций на них [Kasianov 2016; Koposov 2018: 177 — 206]. Любопытно, что в общественном дискурсе установился термин «декоммунизация», хотя самый резонансный закон запрещает и символику нацистского режима. В тексте закона вся символика нацистского режима сводится к партийной символике НСДАП. В связи с этим, например, символика Дивизии СС «Галиция» под запрет не подпадает. Это обстоятельство, как и то, что и сами промоутеры «декоммунизации» и подавляющее большинство комментаторов говорят лишь о «декоммунизации», достаточно ясно указывают на реальные намерения энтузиастов этой политики. «Декоммунизация» 2015 — 2018 годов — наиболее четко артикулированная десоветизация исторической памяти и публичного пространства. Десоветизация в официальном дискурсе государства этого периода — это еще и дерусификация, понимаемая как часть борьбы против России, которую Верховная Рада официально признала государством-агрессором и оккупантом в 2015 и 2018 годах.

десяти тысяч улиц, площадей и других топографических объектов, демонтированы более двух тысяч памятников деятелям коммунистического режима, изменены экспозиции сотен музеев [Kasianov 2019: 180, 181; 475-490]. Разумеется, как и в случае с языковой политикой, речь шла, прежде всего, о десоветизации и дерусификации символического пространства (хотя под раздачу попал и Маркс, и украинские национал-коммунисты 1920-х годов).

Как заявил один из главных промоутеров декоммунизации директор Украинского института национальной памяти В. Вятрович [Vyatrovych 2017], «для становления Украины как сильного, независимого государства» нужна не только декоммунизация, но и дерусификация».

Наиболее ярким свидетельством дерусификационной подоплеки декоммунизации может служить история с переименованием Кировограда и Комсомольска. На местном референдуме 75% участников опроса, совмещенного с местными выборами, высказались за возвращение городу исторического названия Елисаветград. Это было категорически неприемлемо для инициаторов процесса. Украинский институт национальной памяти предлагал назвать город Ингульском, против чего решительно возражали горожане [Deutsche Welle 2016]. В результате Верховная Рада переименовала город в Кропивницкий, по имени известного украинского драматурга XIX столетия. Область остается Кировоградской до сих пор, поскольку для ее переименования нужны 300 голосов депутатов (конституционное большинство), а их набрать не удалось даже Порошенко. Город Комсомольск Полтавской области возник в 1960-е годы (здесь был построен крупный горно-обогатительный комбинат, действующий до сих пор) и был назван в честь Комсомольска-на-Амуре. Несмотря на многочисленные попытки местной власти и жителей сохранить историческое название или назвать его Святониколаевск, город был переименован Верховной Радой в Горишни Плавни (2016).

Декоммунизация сопровождалась, с одной стороны, некоторой радикализацией национального нарратива исторической памяти (например, усилением и расширением культа героев Крут[1], ожив-

1 В конце января 1918 года небольшой отряд добровольцев, состоявший в основном из студентов, гимназистов и юнкеров, вступил в неравный бой с частями большевиков, наступавшими на Киев, удерживаемый Центральной радой. Отряд был разбит, часть отступила, часть попала в плен и была расстреляна. В 1920-е годы в среде украинских националистов (ОУН) был создан миф по образцу «300 спартанцев». В независимой Украине официально отмечается День героев Крут, эпизод вошел в учебники как пример героизма молодежи в защите отечества. Во время восстания зимы 2013-2014 года возле баррикад можно было видеть надписи: «Здесь наши Круты».

лением казацкого мифа как героического), усилением агитационно-пропагандистского антироссийского компонента — с другой, значительно усилились попытки государственных структур расширить локальный националистический миф об ОУН-УПА на всю Украину. В утверждаемый ежегодно список памятных дат стабильно попадают дни рождения деятелей ОУН и УПА. Улицы и проспекты, переименованные в честь С. Бандеры, Р. Шухевича и других деятелей националистического движения, появились не менее чем в полутора десятках городов Центральной Украины. В последние годы ряд областных и городских советов этого же региона приняли решение о вывешивании в памятные дни черно-красного флага ОУН, названного знаменем свободы. В 2017 году марш ОУН полуофициально стал маршем украинских вооруженных сил [Kasianov 2018].

Общество и его реакции

Теперь обратимся к объекту действий «национализирующегося государства», второму элементу схемы Брубейкера. Как уже упоминалось, объектом национализации в Украине были не только национальные меньшинства, но и значительная часть титульной нации. В целом действия национализирующегося государства в сфере образования, языковой политики и коллективной памяти, направленные на реализацию стандартного национального проекта, хоть и вызывали критику со стороны организованной части общества, но не провоцировали открытых форм сопротивления тех, чьи права гипотетически или реально могли быть нарушены. Открытое сопротивление начиналось, когда государство выходило за пределы стандарта.

Например, продвижение на общенациональный уровень культа националистического движения (ОУН, УПА, С. Бандера и др.) при В. Ющенко столкнулось с противодействием как со стороны привычных оппонентов (коммунисты, Партия регионов), так и со стороны либеральной части общества. При этом оппозиция (Партия регионов) вполне успешно использовала легитимирующий потенциал стандартного национального нарратива, когда приходила во власть.

Вторая попытка, пришедшаяся на 2015-2019-е годы, в условиях устранения и дезорганизации политической оппозиции (Партия регионов и Коммунистическая партия) все равно столкнулась как с отдельными очагами сопротивления (например, решения Одесского областного совета об отмене декоммунизационных переименований или судебные иски против декоммунизации), так и с более опосредованными формами неприятия: например, провалом на президентских выборах 2019 года П. Порошенко, выходившего на встречи с избирателями под звуки марша ОУН.

Данные социологических опросов свидетельствуют, что декоммунизация, во-первых, не воспринимается статистически значительной частью граждан Украины, во-вторых, отношение к ней достаточно четко регионализирует страну. Стоит учитывать и то обстоятельство, что данные опросов не охватывают неподконтрольные Киеву территории, которые гарантированно увеличили бы удельный вес противников этой политики. На шестом году декоммунизации увеличилось количество тех, кому она вообще неинтересна (Таблица 1).

Таблица 1. Отношение населения Украины к осуждению и запрету «коммунистического тоталитарного режима и его символики»
Источники: Центр им. Разумкова[1] [Tsentr imeni O. Razumkova 2015], Центр «Демократические инициативы» [Fond Demokratychni inistisatyv 2020[2]].
Table 1. Attitudes of the population of Ukraine towards condemnation and ban of the 'Communist totalitarian regime and its symbols'
Sources: Rozumkov Center [Tsentr imeni O. Razumkova 2015], Democratic Initiatives Foundation [Fond Demokratychni initsiatyvy 2020]

Отношение к осуждению коммунистического тоталитарного режима и запрету его пропаганды и символики (опрос Центра Разумкова, 2015)	Украина	Запад	Центр	Юг	Восток	Донбасс
Поддерживаю	52,1	82,0	58,1	33,9	36,1	30,3
Не поддерживаю	22,7	5,5	15,8	30,0	37,5	38,1
Мне все равно	12,6	6,1	9,9	16,7	15,1	21,0
Затрудняюсь ответить	12,7	6,4	16,1	19,4	11,3	10,6
Отношение к запрету коммунистической символики (опрос Центра «Демократические инициативы», 2020)						
Поддерживаю	32	45,3	32,7	21,7	23,9	-

1 10 071 респондент, погрешность выборки 1%.
2 2000 респондентов, погрешность выборки до 2,2/%.

Не поддерживаю	34	24,5	31,6	41,5	44,2	-
Мне все равно	26,3	22,1	27,6	29,8	25,3	-
Затрудняюсь ответить	7,7	8,1	8,2	7,1	6,7	-

Вполне прогнозируемы и региональные различия в отношении политики продвижения на общенациональный уровень националистического нарратива исторической памяти. При этом увеличился удельный вес респондентов, уставших от этой политики не только в регионах, традиционно не слишком восприимчивых к апологии ОУН и УПА, но и в Центральной Украине. Примечательно, что при исключении варианта «мне все равно» увеличивается доля тех, кто отрицательно относится к продвижению националистического нарратива памяти (Таблица 2).

Таблица 2. Отношение населения Украины к признанию ОУН и УПА борцами за независимость Украины
Источники: Центр им. Разумкова [Rozumkov center 2016, Rating Group, 2018, Fond Demokratychni initsiatvy/Rozumkov center, 2021]
Table 2. Attitudes of the population of Ukraine towards recognition of the OUN and UPA as fighters for independence
Sources: Rozumkov Center [Rozumkov center, 2016; Rating Group, 2018; Fond Demokratychni initsiatyvy/Rozumkov center, 2021]

Признание борцами за независимость Украины в XX столетии УНР и других организаций и движений[1] (опрос Центра Разумкова, декабрь 2015)	Украина	Запад	Центр	Юг	Восток	Донбасс
Поддерживаю	42,0	75,9	45,8	20,1	26,8	21,1

1 УНР — Украинская Народная республика (1918–1920), Украинские сечевые стрельцы, формирования Холодноярской республики (крестьяне-повстанцы, 1919–1922), Организация украинских националистов (ОУН), Украинская повстанческая армия (УПА), Народный Рух Украины «За перестройку». Организаторы опроса не решились вопрос об УПА и ОУН задать отдельно, поэтому «запаковали» эти националистические организации в один список с УНР (где правили бал социалисты и социал-демократы) и Рух, в котором на руководящих постах первое время были коммунисты.

Не поддерживаю	22,0	6,2	14,2	24,4	39,6	37,5
Мне все равно	14,8	7,4	14,1	20,4	15,4	21,8
Затрудняюсь ответить	21,3	10,5	25,9	35,0	18,2	19,6
Признание борцами за независимость ОУН и УПА (опрос группы «Рейтинг», декабрь 2018)						
Поддерживаю («да» и «скорее да»)	45	71	45	30	26	-
Не поддерживаю («нет» и «скорее нет»)	33	12	29	46	52	-
Мне все равно	-	-	-	-	-	-
Затрудняюсь ответить	23	17	27	23	22	-
Отношение к решению украинской власти признать воинов Украинской Повстанческой Армии борцами за независимость (опрос Центра «Демократические инициативы/ Центра Разумкова, май 2021)						
Очень/скорее позитивно	46	80	47	20	24	
Очень/скорее негативно	29	6	27	43	47	
Трудно ответить	16	6	18	27	17	
Все равно	9	8	7	10	12	

Декоммунизация, понимаемая и продвигаемая ее инициаторами как дерусификация, сопровождавшаяся насильственным распространением узкопартийного националистического нарратива на всю Украину, так и не получила поддержки, которая бы обозначила наличие общественного консенсуса по этому вопросу.

Более того, продвижение националистического нарратива и выведение его на уровень общегосударственной политики, сопровождавшее декоммунизацию-дерусификацию, спровоцировало конфликты с ближайшими соседями. Если конфликт по этому поводу с Россией можно учитывать просто как часть более широкого противостояния с государством, официально признанным агрессором, то война памяти с главным адвокатом Украины в Европе и союзником в борьбе с Россией — Польшей — выглядит как явный *faux pas*. Никогда ранее в период независимости польско-украинские отношения в сфере политики памяти не были так плохи [Kasianov 2020].

В языковой и образовательной сферах реакции общества были более размытыми. Прежде всего, стоит признать, что согласно многочисленным социологическим исследованиям и опросам, языковая проблема не относится к приоритетным для большинства граждан государства Украина. Если вопрос о важности языковой проблемы не задается, ее вообще не упоминают, когда опросы касаются наиболее важных и актуальных общественных и социальных проблем. В 1995 и 2005 годах на вопрос, «хватает ли вам знания украинского языка», отрицательно ответили приблизительно одинаковое число респондентов: 16 и 15%, 62 и 67% ответили утвердительно, 13 и 12% затруднились ответить [Panina 2005: 81].

Опрос Центра Разумкова в июле 2019 года, посвященный первоочередным проблемам, волнующих украинцев, показал, что защитой украинского языка и культуры озабочены 3,1% респондентов [Rozumkov Center 2019]. В первую десятку проблем уже многие годы входят борьба с коррупцией, коммунальные тарифы, низкие зарплаты и пенсии, социальное неравенство, цены, соблюдение законов, безработица, низкий уровень медицины. В последние годы добавились проблемы войны на Донбассе и территориальная целостность.

Стоит обратить внимание, что характерной чертой Украины являются 1) общенациональный функциональный билингвизм (способность общаться на украинском и русском одновременно в зависимости от ситуации), при этом не менее четверти населения в семейном общении пользуются и украинским, и русским; 2) полилингвизм на региональном уровне: в Закарпатьи сосуществуют венгерский, русский, украинский и словацкий, в Буковине — украинский, русский, румынский, в Галиции — украинский, русский, польский; 3) некоторые языковые группы размещены компактно, что создает предпосылки для их политической мобилизации в случае, если языковый вопрос будет использован заинтересованными политическими группами внутри страны или ее соседями. Юг

и восток страны являются преимущественно русскоязычными регионами.

По данным опроса, проведенного в 2003 году, доля тех, кому легче общаться на одном из двух языков (русском или украинском), были статистически равными: по 2/5. Удельный вес тех, кто легко общался на обоих языках, составлял 1/5 [Khmel`ko 2004: 4]. Стоит напомнить, что согласно переписи 2001 года (первой и пока последней переписи населения периода независимости), более 14 млн. граждан Украины (29,6%) назвали русский родным языком, среди них 14,8% были украинцами. Родным русский язык назвали также большинство белорусов, евреев, греков, татар и немцев [Gosudarstvennyi komitet statistiki 2001] (Таблица 3)

Таблица 3. Язык общения
Источники: [Panina 2005: 68; KIIS 2019; Fond "Demokratychni initsiatyvy" 2020]
Table 3. Language of communication
Sources: [Panina 2005: 68; KIIS 2019; Fond "Demokratychni initsiatyvy" 2020]

	Институт социологии НАН Украины				Киевский международный институт социологии		Фонд «Демократические инициативы»	
На каком языке вы преимущественно общаетесь в семье (дома)?	1994	1998	2002	2005	На каком языке вы общаетесь с ближайшими родственниками?	Февраль-март 2019	На каком языке вы преимущественно разговариваете дома?	14 — 19 августа 2020
Только на украинском	36,7	37,6	38,2	41,8	Преимущественно или только на украинском	46,0%	На украинском	60,9
Только на русском	32,4	33,4	33,2	36,4	Преимущественно или только на русском	28,1	На русском	36,0
И на украинском и на русском (в зависимости от обстоятельств	29,4	28,4	28,0	21,6	На украинском и русском	24,9	-	-
На других	0,7	0,5	0,5	0,2	На других	0,7	На другом	1,4

Примечательно, что в целом действия национализирующегося государства относительно утверждения украинского языка как государственного и основного языка образования не оспаривались

большинством граждан. Уже к началу 2000-х в обществе установился достаточно устойчивый консенсус относительно роли и места украинского, а в такой сфере, как образование, доминирование государственного языка принималось как должное подавляющим большинством акторов [Fournie 2002]. Этот консенсус основывался как на понимании необходимости компенсирующих действий, направленных на восстановление исторической справедливости, так и на признании государством и обществом прав национальных меньшинств. В течение десятилетий государство за счет бюджета издавало, например, школьные учебники на языках национальных меньшинств, включая русский. Их стоимость (за счет малого тиража и перевода) в несколько раз превышала стоимость учебников на украинском.

Согласие по поводу единственного и единого государственного языка не означало отсутствия проблем и недовольства. Например, сторонники украинизации могли быть недовольны ее невысокими темпами и его качеством, в то время как сторонники самобытности национальных меньшинств могли усматривать в украинизации посягательство на эту самобытность. В целом рассматриваемые сферы (язык и коллективная память) способны производить латентные конфликты, выходящие на поверхность в трех случаях. Первый — политическая мобилизация в период выборов, преимущественно президентских. Второй — применение манипулятивных политических технологий, направленных на отвлечение общества от насущных проблем социально-экономического характера. Так, уже стал рутинным график вспышек дискуссий по поводу языка и коллективной памяти накануне или во время резких скачков цен, коммунальных тарифов, налогов. Третий — вторжение национализирующегося государства в области, которые не рассматриваются обществом как сфера его компетенций или чрезмерная интенсификация национализирующих действий, их выход за пределы разумной достаточности.

Национализация представлений о коллективном прошлом также протекала относительно бесконфликтно, пока речь шла о восстановлении и формировании стандартного национального нарратива. Следует учесть, что в 1991 — начале 2000-х де-факто происходила национализация советского украинского нарратива, иными словами, смена вывесок с сохранением определенной преемственности. Например, в советском нарративе казачество боролось с социальным и национальным угнетением. В национальном нарративе оно боролось с национальным и религиозным и в меньшей мере — социальным гнетом. В советском нарративе Тарас Шевченко был революционером-демократом. В национальном — пророком и основателем национальной идеи, центральной

фигурой национального возрождения. Заметные общественные конфликты по поводу представлений о коллективном прошлом начались с экспансией за пределы Западной Украины националистического нарратива (ОУН и УПА). Эти распри усугубились реставрационно-реваншистскими усилиями политиков, использовавших советско-ностальгический нарратив. Заметную роль в усилении конфликтности в этой сфере сыграла Россия, особенно после 2007 года, когда институционно оформилась концепция «русского мира» и активизировался русский ирредентистский национализм (например, был создан фонд «Русский мир» и Федеральное агентство «Россотрудничество»).

Можно с достаточной долей уверенности сказать, что нынешний этап деятельности национализирующегося государства (2015-2019) является пиковой точкой в графике интенсивности развития и внешних проявлений украинского этнического национализма. Четверть века назад английский политолог Эндрю Вилсон [Wilson 1997] вызвал вспышку недовольства части украинских гуманитариев, назвав этнический украинский национализм «верой меньшинства». Сегодня партии и движения, исповедующие радикальные, агрессивные формы этнического национализма, также не преуспевают. Об этом говорят и мизерные результаты на общенациональных выборах (максимум на уровне социологической погрешности), и социологические мониторинги настроений граждан. Например, ВО «Свобода» на парламентских выборах осенью 2014 года по партийным спискам не преодолела 5% барьер, «Правый сектор» набрал 1,8% голосов, а Конгресс украинских националистов (политический «зонтик» ОУН (бандеровцев) — 0,05%. На президентских выборах того же года кандидаты от националистических партий получили 0,7 — 1,2% голосов. В 2019 году ВО «Свобода» смогла провести в парламент одного депутата по мажоритарному округу, за ее партийный список проголосовали 2,15% избирателей. На президентских выборах того же года единый кандидат от националистических партий, ветеран войны на востоке набрал 1,6% голосов. Порошенко, выступивший в этой кампании под лозунгом «Армия, язык, вера» и под звуки марша ОУН, получил поддержку только четверти избирателей, пришедших на участки (около 13% от электората в целом).

Относительно успешное продвижение принципов эксклюзивного этнического национализма в 2015-2019-х годах стало возможным не благодаря их популярности или поддержке населения. Главными причинами стали внешняя угроза, потеря территорий, временное отсутствие политически организованной оппозиции, ситуативный союз с популистскими политическими силами под лозунгом «Отечество в опасности», полу-

чение доступа к центральным институтам государственной власти и использование организованных националистических и квазинационалистических групп олигархическими группами интереса.

При этом не стоит сбрасывать со счетов украинский этнический национализм и его мобилизационные возможности. Будучи верой меньшинства с точки зрения социологии, он сохраняет мощный мобилизационный потенциал с точки зрения политики (о его культурно- и социально-антропологическом измерении здесь речь не идет). Кроме того, его элементы вполне сочетаются с некоторыми принципами политического национализма, что вполне успешно легитимирует деятельность национализирующегося государства в ее умеренных формах.

Библиография / References

Касьянов Г. (2016) Историческая политика и мемориальные законы в Украине: начало XXI века. *Историческая экспертиза*, (20): 28–57.

— Kasianov G. (2016) Historical politics and memorial laws in Ukraine: the beginning of the 21st century. *Historical expertise*, (20): 28–57. — in Russ.

Касьянов Г. (2018) Толкования ОУН и УПА в публичном дискурсе Украины 1990–2000-х: от реабилитации к апологии. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, (1–2): 257–279.

— Kasianov G. Interpretations of the OUN and UPA in public discourse of Ukraine, 1990–2000s: from rehabilitation to apologetics. *Forum of the contemporary East-European History and Culture*, (1–2): 257–279. — in Russ.

Касьянов Г. (2019) *Украина и соседи. Историческая политика 1987–2018*, М.: Новое литературное обозрение: 632.

— Kasianov G. (2019) *Ukraine and Neighbors. Politics of History, 1987–2018*, Moscow: New Literary Review: 632. — in Russ.

Mediaport (2015) *«С Днем Победы, дед! Слава Украине!» April 27* (https://www.mediaport.ua/s-dnyom-pobedy-ded-slava-ukraine-socialnye-roliki-k-9-maya)

— Mediaport (2015) *"To a Victory Day, Grandpa! Glory to Ukraine!" April 27* (https://www.mediaport.ua/s-dnyom-pobedy-ded-slava-ukraine-socialnye-roliki-k-9-maya). — in Russ.

Плеханов А. (2019) Негосударственный язык: законодательное положение русского языка в постсоветской Украине. *Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах*, М.: Горячая линия — Телеком: 187–231.

— Plekhanov A. (2019) Non-state Language: Statutory Provision of Russian Language in the Post-Soviet Ukraine. *Death of Language — Death of People? Language Situations and Language Rights in Russia and Adjacent States*, М.: Hotline — Telekom: 187–231. — in Russ.

Rudenko Ye., Sarakhman E. (2020) Kul`turnyi kod Maidana. *Ukrainska Pravda*, February 21 (https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2020/02/21/7241172)

— Rudenko Ye., Sarakhman E. (2020) The Culture Code of Maidan. *The Ukrainain Truth*, February 21 (https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2020/02/21/7241172). — in Russ.

Ukrainskaya Pravda (2014) *Львов заговорит по-русски, а Донецк и Одесса — на украинском*, February 26 (https://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/02/26/7016309/).

— The Ukrainian Truth (2014) *Lvov Will Speak Russian, and Donetsk and Odessa Will speak Ukrainian*, February 26 (https://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/02/26/7016309/). — in Russ.

Biudzhetnyi zapyt (2020) *Biudzhetnyi zapyt na 2021–2023 roky, Upovnovazhenyi iz zakhystu derzhavnoi movy* (https://mova-ombudsman.gov.ua/finansovi-resursi)

Brubaker R. (1996) *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.

Brubaker R. (2011) Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states. *Ethnic and Racial Studies*, 34 (11): 1785–1814.

Business media report (2020) *Natsrada prozvituvala pro dotrymannia movnykh kvot zahal`nonatsional`nymy telekanalamy* December 23 (https://mbr.com.ua/uk/news/ukraine/4300-nacsovet-otcitalsya-o-soblyudenii-yazy-kovy-x-kvot-obshhenacionalny-mi-telekanalami)

Derzhavnyi komitet statystyky (2001) Vseukrainskyi perepys naselennia 2001 roku (https://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/language/)

Erman G. (2018) Try udary v spynu: v chomu Uhorshyna zvunyvachuye Ukrainu, *BBC News*, April 26 (https://www.bbc.com/ukrainian/features-43898566)

European Commission for Democracy through Law (2017) *Ukraine. Opinion On the Provisions of the Law on Education of 5 September 2017. Which Concern the Use of the State Language and Minority and Other Languages in Education, December 11* (https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2017)030-e)

European Commission for Democracy Through Law (2019) Ukraine — Opinion on the Law on Supporting the Functioning of the Ukrainian Language as the State Language, adopted by the Venice Commission at its 121st Plenary Session, December 9. Fond 'Demokratychni initsiatyvy' (2014) *Chy vlastyvi ukraintsiam nastroi separatyzmu?, April 11* (https://dif.org.ua/article/chi-vlastivi-ukraintsyam-nastroi-separatizmu)

Fond 'Demokratychni initsiatyvy' (2020) *Ukrainska mova: shliakh u nezalezhnoi Ukraini, September 10* (https://dif.org.ua/article/ukrainska-mova-shlyakh-u-nezalezhniy-ukraini)

Fond 'Demokratychni initsiatyvy'/Rozumkov center (2021) *Den` Peremohy i yoho mistse v istorychnij pamiati ukraintsiv: yakyi sens vkladayut` hromadiany u tsiu datu?* May 11 (https://dif.org.ua/article/den-peremogi-i-yogo-mistse-v-istorichniy-pamyati-ukraintsiv-yakiy-sens-gromadyani-vkladayut-u-tsyu-datu)

Fournie A. (2002) Mapping Identities: Russian Resistance to Linguistic Ukrainisation in Central and Eastern Ukraine. *Europe-Asia Studies*, 54 (3): 425-427.

Gorbatenko S., Shchur M. (2020) Maizhe 200 tysiach uchniv pereishly na ukrainsˋku, i tse nezvorotnˋio — movnyi ombudsmen. *Radio Svoboda*, September 3 (https://www.radiosvoboda.org/a/mayzhe-200-tysyach-uchniv-pereyshly-na-ukrayins%CA%B9ku-i-tse-nezvorotn%CA%B9o-movnyy-ombudsmen/30817619.html)

State Committee on Statistics (2001) *Size and composition of the population of Ukraine according to the All-Ukraine census of 2001,* (http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/).

Hrytsak Ya. (2018) Zvidky vzialysia 'zhydobanderivtsi'? *Ukraina moderna,* February 1 (https://uamoderna.com/blogy/yaroslav-griczak/zhydobanderivci)

Janmaat J.G. (2000) *Nation-building in post-Soviet Ukraine. Education Policy and Responses of the Russian-Speaking Population*, Amsterdam: Universiteit van Amsterdam.

Kasianov (2020) Ukraine–Poland: quest for the past. *The Ideology and Politics Journal: The Image of "the Other" in Post-Socialist Societies*, 2: 166-196. (https://www.ideopol.org/wp-content/uploads/2020/10/ENG.-1.9.-Kasianov.pdf)

Khmelˋko V. (2003) Linhvo-etnichna struktura Ukrainy: rehionalˋni osoblyvosti I tendentsii zmin za roky nezalezhnosti. *Naukovi zapysky NAUKMA. Sotsiolohichni nauky*, 32: 3–15.

KIIS (2019) *Dumky I pohliady naselennia shchodo vykladannia rosiiškoi movy v ukrainomovnyx shkolakh I nadannia nepidkontrolˋnym terytoriyam Donbasu avtonomii u skladi Ukrainy: berezenˋ 2019 roku* (http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=832&page=1)

Koposov N. (2018) *Memory Laws, Memory Wars. The Politics of the Past in Europe and Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.

Konstytutsiine podannia (2019) *Shchodo vidpovidnosti Konstytutsii Ukrainy (konstytutsiinosti) Zakonu Ukrainy "Pro zabezpechennia funkcionuvannia ukrainskˋoi movy yak derzhavnoi, Arpril 25* (http://www.ccu.gov.ua/sites/default/files/kp_51.pdf)

Konstytutsiinyi Sud Ukrainy (2018) *Rishennia Konstytutsiinoho Sudu Ukrainy u spravi za konstytutsiinym podanniam 57 narodnykh deputativ Ukrainy shchodo vidpovidnosti Konstytutsii Ukrainy (konstytutsiinosti) Zakonu Ukrainy "Pro zasady derzhavnoi movnoi polityky, February 28* (https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v002p710-18#Text)

Konstytutsiinyi Sud Ukrainy (2019) *Rishennia Konstytutsiinoho sudu Ukrainy u spravi za konstytutsiinym podanniam 48 narodnykh deputativ Ukrainy shchodo vidpovidnosti Konstytutsii Ukrainy(konstytutsiinosti) Zakonu Ukrainy "Pro osvitu". August 27.* (https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v010p710-19#Text)

Kreminˋ T. (2020a) *Kreminˋ: u shkolakh Kyeva velychezna kilˋkistˋ krytyky na movu navchannia* (https://www.ukrinform.ua/rubric-kyiv/3131315-kremin-u-skolah-kieva-velicezna-kilkist-kritiki-na-movu-navcanna.html)

Kreminˋ T. (2020b) *Taras Kreminˋ: maizhe 100% pershoklasnykiv zaraz navchajutsia ukrainsˋkoyu movoy.* (https://www.kmu.gov.ua/news/taras-kremin-majzhe-100-pershoklasnikiv-sogodni-navchayutsya-ukrayinskoyu-movoyu)

Kudelia A., Kasianov G. (2021) Ukraine's Political Development after Independence. Minakov M., Kasianov G., Rojanski M. *From 'The Ukraine' to Ukraine, A Contemporary History from 1991 to 2021*, Ibidem Verlag: 29-34.

Kulyk V. (2001) The Politics of Ethnicity in the Post-Soviet Ukraine. Beyond Brubaker. *Journal of Ukrainians Studies*, 26: 197-221.

Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*, Cornell University Press.

Marusyk T. (2017) Ataka na movnu stattiu 7 osvitn`oho zakonu zzovni i zseredyny. *Radio Svoboda*, September 12 (https://www.radiosvoboda.org/a/28729790.html)

Miller A. (2008) A Nation-State or A State-Nation? Ukraine's Policy of National Construction and Its Possible Aftermath. *Russia in Global Affairs*, 6 (4): 189-202.

Minfin (2020) Chislennost` naseleniya Ukrainy 1990–2020 (https://index.minfin.com.ua/reference/people/)

Natsional`na rada z telebachennia i radiomovlennia (2006) *Pro zatverdzhennia memorandumu pro spivpratsiu mizh telekompaniyamy ta Natsional`noyu radoyu z telebachennia i radiomovlennia, spriamovanu na rozbudovu national`noho informatsiinoho prostoru*, July 12(https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/vr597295-06#Text)

Natsional`na rada z telebachennia i radiomovlennia (2018) Rosiyški telekanaly, rozpovsiudzhennia yakykh zaboroneno na terytorii Ukrainy u 2014 — 2017 rokakh, June 5(https://www.nrada.gov.ua/infographics/rosijski-telekanaly-rozpovsyudzhennya-yakyh-obmezheno-na-terytoriyi-ukrayiny-u-2014-2017-rr/)

Panina N. (2005) Ukrainške suspil`stvo 1994 — 2005. *Sotsiolohichnyi monitorynh*, Lyiv Vydavnytstvo TOV "Sopfiia".

Rating Group (2018) *Do dnia zakhysnyka Ukrainy* (http://ratinggroup.ua/research/ukraine/ko_dnyu_zaschitnika_ukrainy_oktyabr_2018.html)

Rozumkov center (2016) Identychnist` hromadian Ukrainy v novykh umovakh: stan tendentsii, rehional`ni osoblyvosti. *Natsional`na bezpeka i oborona*:3–4: 161-162.

Rozumkov Center (2019) Otsinka sytuatsii v Ukraini ta electoral`ni oriyentatsii hromadian Ukrainy, July 18, (https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/otsinka-sytuatsii-v-kraini-ta-elektoralni-oriientatsii-gromadian-ukrainy)

Shoizdat (2018) *Vse bude mova* (https://shoizdat.com/vse-bude-mova)

Statistika.in.ua (2012) *Chastka uchniv u shkolakh Ukrainy, shcho navchayutsia ukrainškoyu* (http://statistika.in.ua/mova2001/ukrainska_v_shkolah)

Stepan A. (2008) Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a 'State-Nation' Model as Well as a 'Nation-State' Model? *Government and Opposition*, 43 (1): 1–25.

Ukrainška Pravda (2019) *Rada ukhvalyla zakon pro movu, jakyj onhovoriuvala dva misiatsi*, April 25(https://www.pravda.com.ua/news/2019/04/25/7213533/)

Ukrainškyi instuytut polityky (2020) *Dynamika kil`kosti shkil ta uchniv za movamy navchannia*, (https://uiamp.org.ua/uk/isl/dynamika-kilkosti-shkil-ta-uchniv-za-movamy-navchannya#)

Ukrinform (2018a) *President of Romania Has Cancelled the Visit to Ukraine Because of the Law 'On Eduation",* September 21, 2017 (https://www.ukrinform.ru/rubric-polytics/2310164-prezident-rumynii-otmenil-vizit-v-ukrainu-izza-zakona-ob-obrazovanii.html)

Ukrinform (2018b) *Rada ukhvalyla u pershomu chytanni zakonoproekt pro ukrainsku movu, October 4* (https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2551824-rada-uhvalila-u-persomu-citanni-zakonoproekt-pro-ukrainsku-movu.html)

Vyatrovych V. (2017) *Volodymyr Vyatrovych: teperishnia viina neikrashche demonstruye, hscho ukraintsi usvidmliuyut` tsinnist` svoyei derzhavy i hotovi ii zakhyshchaty,* July 10 (https://www.unian.ua/society/2021196-volodimir-vyatrovich-teperishnya-viyna-naykrasche-demonstrue-scho-ukrajintsi-usvidomlyuyut-tsinnist-svoeji-derjavi-i-gotovi-jiji-zahischati.html)

Wilson A. (1997) *Ukrainian Nationalism in1990s: A Minority Faith,* Cambridge: Cambridge University Press.

Yakovenko N. (2002) Polshcha ta polyaky v shkilnykh pidruchnykakh istoriyi. *Paralelnyy svit. Doslidzhennya z istoriyi uyavlen ta idey v Ukrayini XVI — XVII st.*, Kyiv: Krytyka.

Yakovenko N. (ed.) (2008) Shkil`na istoriya ochyma istorykiv-naukovtsiv, Kyiv: Ukrainsky instytutu national`noi pamiati.

Yavorsky V. (2020) Analiz zakonu pro zabezpechennia funkcionuvannia ukrainskoi movy yak derzhavnoi, January 31(http://khpg.org/1580484780)

Yedyna kraina. Yedinaya strana (2014) (https://www.youtube.com/watch?v=WPNoQQjRYNQ&ab_channel=Телеканал1%2B1)

Zakon Ukrainy (2015) *Pro pravovyi status ta vshanuvannia pamiati bortsiv za nezalezhnist` Ukrainy u XX stolitti* (https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text)

Zakon Ukrainy (2017a) *Pro vnesennia zmin do deyakykh zakoniv Ukrainy shchodo movy audiovisual`nykh (elektronnykh) zasobiv masovoi informatsii*, May 23 (https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2054-19#Text)

Zakon Ukrainy (2017b) *Pro osvity,* September 5, 2017 (https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19/ed20170905#Text)

Zakon Ukrainy (2019) *Pro zapezpechennia funktsionuvannia ukrainskoi movy yak derzhavnoi,* April 24 (https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19/ed20190425#Text)

Zakon Ukrainy (2020) *Pro povnu zahal`nu seredniu osvitu, January 16* (https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/463-20#Text)

Zhdanov I., Yakimenko Yu. (2003) Ukraina u XXI stolitti. Vyklyky dlia politychnoi elity. *Natsional`na bezpeka I oborona,* (9).

Рекомендация для цитирования:

Касьянов Г.В. (2021) Украина как «национализирующее(ся) государство»: обзор практик и результатов. *Социология власти*, 33 (2): 117-146.

For citations:

Kasianov G. (2021) Ukraine as a “Nationalizing State”: A Review of Practices and Outcomes. *Sociology of Power*, 33 (2): 117-146.

Поступила в редакцию: 07.03.2021; принята в печать: 16.05.2021

Received: 07.03.2021; Accepted for publication: 16.05.2021